

СТАТЬИ

УДК 821.161.1:821.163.1

ББК 83.3(2=411.2)4

DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-12-26

В. В. Пенской

«ГДЕ ТИУН, ТАМ И КНЯЗЬ...»: ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В РАННЕМОДЕРНОЙ РОССИИ (КАЗУС КНЯЗЯ И. В. ЛЫКО ОБОЛЕНСКОГО)

В средневековом русском сборнике нравоучительных и юридических текстов, известном под названием «Мерило праведное» (отечественный исследователь К. В. Вершинин отмечал, что этот компендиум создавался как своего рода светский аналог Кормчей книги как основополагающего свода канонического права¹) содержится любопытный текст, вошедший в историю русской книжности под названием «Наказание». Этот небольшой текст, довольно популярный среди русских книжников той эпохи, обычно приписывают тверскому епископу Симеону², жившему во 2-й пол. XIII в., хотя М. В. Корогодина, не соглашаясь с такой атрибуцией авторства этого сочинения, считала, что оно представляет собой исторический анекдот, записанный после смерти епископа и потому ему не принадлежащий³. Впрочем, для предпринятого нами исследования это не столь уж и важно – важно другое, а именно те идеи, что были заложены его автором в этот текст.

Согласно «Наказанию» (которое представляет как бы запись разговора между епископом и полоцким князем Константином Безруким) на вопрос недовольного своим тиуном князя («Владыко, где быти тивуну на оном свете»), епископ отвечал – «Кде и князю!». Князь был немало удивлен такому ответу, ведь «тиун неправду судит, мзду емлет, люди продает, мучит, лихое все деет», и при чем тогда он, князь? И тогда, в ответ на новый вопрос Симеон развернул целое учение об обязанностях князя перед «землей». «Аже будеть князь добр, богобоин, жалуеть людей, – заявил владыка, – правду любить, – исбираеть тиуна или коего волостеля – мужа добра и богобоина, страха божия полна, разумна, праведна, по закону божию все творяща, и суд ведуща». В таком случае, продолжал далее Симеон, «и князь в рай, и тивун в рай». Однако, в противном случае, если «будеть ли князь без божия страха, хрестьян не жалуеть, сирот не милуеть, и вдовицями не печалуеть», если он «поставляеть тивуна или коего волостеля – человека зла, бога не боящася и закона божия не ведущее, и суда не разумеющее, толико того деля, абы князю товара добывал, а людей не щадить»,

¹ Вершинин К.В. Мерило праведное в истории древнерусской книжности и права. М.-СПб., 2016. С.5.

² См., например: Кучкин В.А. Особая редакция «Наказания» Симеона Тверского // Изучение русского языка и источниковедение. Москва, 1969. С. 243–251.

³ См.: Корогодина М.В. Кормчие книги XIV – первой половины XVII века: В 2 т. Т. 1: Исследование. СПб., 2017. С. 92–93.

одним словом, если князь «аки бешена человека пустил на люди, давь ему меч – тако и князь, дав волость лиху человеку губити люди», то «князь во ад и тиун с нимь во адь», завершил свое нравоучение епископ⁴.

Почему мы уделили столь значительное внимание этому небольшому нравоучительному тексту? Известный отечественный историк-античник И. Е. Суриков, характеризуя основные тенденции развития современного антиковедения, указывал на наметившееся в последние десятилетия смещение исследовательских акцентов с изучения политических институтов, их истории, особенностей функционирования и взаимодействия на «изучение не столько политических институтов, сколько политических процессов, зачастую проходящих в неинституциональной форме» (под которыми он понимал «властные элиты, их состав, взаимоотношения с рядовым гражданским населением, применявшиеся ими механизмы достижения влияния, политические группировки, место общественного мнения в политической борьбе, соотношение социальной и политической структуры в полисе и прочие проблемы аналогичного рода»)⁵. Примечательно, но такой поворот характерен не только для антиковедения, но и для других направлений исторической науки, в т.ч. и для изучающей историю развития политических, социальных и иных институтов раннемодерного общества и государства. Авторитетный американский русист Н. Коллманн в одной из своих последних работ отмечала, что «примерно с 1970-х годов историки и философы изучают, как возникли раннемодерные государства в Европе (включая и Османскую империю), анализируя **стратегии управления, централизации и формирования суверенитета** (выделено нами – В. П.)...»⁶. По существу, речь идет об аналогичном смещении фокуса исследовательского внимания с изучения форм институциональных к неинституциональным, в значительной степени неформальным и субъективным – как отмечал австралийский историк Р. Скрибнер, для правильного понимания сущности процессов, связанных с формированием раннемодерных государств, «не стоит концентрировать внимание на наблюдаемых структурах государства и его прескриптивном законодательстве за счет тщательного изучения тех трудностей, с которыми сталкивалось на практике государство, преследуя свои цели»⁷.

Такой переход, который, как нам представляется, в значительной степени был предопределен «антропологическим поворотом» в исторической науке, начало которого связывают обычно с деятельностью знаменитой «школой Анналов», в особенности с ее третьим поколением⁸. Удивляться этому не стоит, поскольку развитие гуманитарных наук в Новейшее время, в особенности после окончания Второй Мировой войны, происходило не только по пути дальнейшей специализации, но и формирования прочных и разветвленных междисциплинарных связей между разными

⁴ Семена епископа тферьскаго наказание // «Изборник» (сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 376.

⁵ Суриков И.Е. Солон и его время. В двух томах. Т. I. СПб., 2022. С. 477.

⁶ Kollmann N. S. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, 2012. P. 1.

⁷ Scribner R.W. Police and the Territorial State in Sixteenth-Century Württemberg // Politics and Society in Reformation Europe Essays for Sir Geoffrey Elton on his Sixty-Fifth Birthday. L., 1987. P. 103.

⁸ См., например: Трубникова Н. В. Французская историческая школа «Анналов». М., 2016. С. 304-307.

отраслями гуманитарного знания, изучающего особенности развития человеческого общества во всем его многообразии. И, поскольку раннемодерное общество может быть в полной мере отнесено к пресловутым «обществам первой волны» Э. Тоффлера⁹, т.е. обществам «деревенским» аграрным, «холодным» (по классификации К. Леви-Стросса¹⁰), с их сакральностью, патриархальностью, традиционализмом и нацеленностью на воспроизводство «старины»¹¹, то такой поворот к изучению неформальных, неинституциональных структур и отношений более чем закономерен и правомерен.

Перевод стрелок с изучения институциональных сторон формирования и последующей эволюции раннемодерных государств на неинституциональные дал любопытные результаты. В частности, привычный со школьной скамьи образ государства раннего Нового времени как государства централизованного, «унифицированного в административном и институциональном плане»¹², начал размываться. Любопытную концепцию выдвинул британский историк Дж. Эллиотт. Развивая тезисы, озвученные другим британским историком, Х. Кенигсбергером, он характеризовал раннемодерные государства как «композитные» («составные» или, как нам представляется более соответствующим конкретному историческому контексту, «лоскутные»)¹³.

Для этих «лоскутных» государств было характерно, по мнению Дж. Эллиотта, выстраивание отношений между верховной властью и местными элитами на основе своего рода «*contrat social*». Суть этого «контракта» заключалась в том, что, присоединяя новые территории, верховная власть, так или иначе, но вступала в договорные отношения с местными элитами и влиятельными кланами, семьями, корпорациями и пр. Гарантируя сохранение за ними прежних вольностей, привилегий и свобод (в большей или меньшей степени – в зависимости от условий, на которых это присоединение осуществлялось), верховная власть рассчитывала на лояльность местных элит и населения и на их готовность сотрудничать с нею в выполнении задач, имевших общегосударственную важность¹⁴.

И в этом не было ничего удивительно, ибо, к примеру, как отмечал отечественный историк К. В. Петров, «возможности российского государства (как институционального образования) в XVI–XVII вв. в различных сферах общественных отношений были неодинаковы и целиком зависели от конкретной политической ситуации: была фактическая возможность – было принуждение, не было возможности

⁹ См.: Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004. С. 38–39, 40, 51–53.

¹⁰ См.: Леви-Стросс К. Неприрученная мысль // Леви Стросс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М., 2008. С. 438–439.

¹¹ См., например: Домников С. Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М., 2002. С. 20–22.

¹² Филюшкин А. И. Московская неонатальная империя: к вопросу о категориях политической практики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2009. Вып. 2. С. 5.

¹³ Elliott, J. H. A Europe of Composite Monarchies // Past & Present. 1992. Number 137. The Cultural and Political Construction of Europe. P. 48–71; Koenigsberger H. G. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe *Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale* // Theory and Society. 1978. Vol. 5. 2. P. 191–217.

¹⁴ Elliott, J. H. A Op.cit. P. 57. Ср., например: Black J. Kings, Nobles and Commoners. States and Societies in Early Modern Europe. A Revisionist History. London and New York, 2004. P. 21.

– отношения строились на другой основе»¹⁵. Больше того, по мнению Дж. Брюэра и Э. Хелльмута, политические отношения в эту эпоху строились не только и не столько на насилии, сколько на переговорах и компромиссе (что, впрочем, не исключало и насилия, однако это последнее рассматривалось как последнее средство и к нему прибегали лишь в случае крайней необходимости или когда переговоры не давали желаемого результата)¹⁶. Примечательной в этом плане была тактика Ивана III в ходе переговоров с новгородской элитой в 1478/79 г. Казалось бы, Иван, вступая в переговоры с новгородским владыкой и господой как победитель, мог диктовать противной стороне любые свои условия и принудить ее принять их как данность, без какого-либо обсуждения и тем более уступок со своей стороны. Но нет, выставляя новгородским боярам и владыке свои условия, великий князь выслушивает и их встречные предложения, причем рассматривает их и соглашается принять часть из них¹⁷.

Слабость (институциональная) раннемодерных государств влекла за собой не только политику компромисса в отношениях с местными элитами, но и чувствительность власти к тому, что сегодня называют «общественным мнением». Незрелость и слабосильность того, что британский историк Дж. Брюэр называл «жилами власти» («sinews of power»¹⁸), понимая под ними административные, судебные и фискальные структуры и институты, кодификации законов и пр. механизмы реализации властных полномочий, одним словом, инфраструктуры власти, обуславливала необходимость обращения ее за помощью и поддержкой к «земле». Однако, в таком случае, нельзя не согласиться с мнением академика Н. Н. Покровского, который, характеризуя особенности функционирования государственного механизма России во 2-й половине XV – XVI вв., отмечал, что «система власти базировалась не на единственном понятии «государство», а на двух понятиях – «государство» и «общество», на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними... Центральная государственная власть того времени не была в состоянии доходить до каждой отдельной личности; исполняя свои функции, она должна была опираться на эти первичные социальные общности (сельские и городские общины-«миры», дворянские корпорации-«города» и пр. – В. П.). Но это автоматически означало серьезные права таких организмов, их немалую роль в политической системе всей страны...»¹⁹. Н. Коллманн к этому добавляла другое, не менее важное наблюдение – «во всех подобных государствах легитимность основывалась не только на упорядоченном применении насилия, но и на том, что государство в большей или меньшей степени отвечало представлениям, согласно которым **правитель должен**

¹⁵ Петров К. В. Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С.Н. Кистерова «Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в.») // Очерки феодальной России. Вып. 12. М.-СПб., 2008. С. 376.

¹⁶ Brewer J., Hellmuth E. 1999. Introduction // Rethinking Leviathan: The Eighteenth-century State in Britain and Germany. Oxford & New York, P. 12.

¹⁷ См., например: Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М., 2004. С. 315–322.

¹⁸ См.: Brewer J. The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783. London: Unwin Hyman, 1989.

¹⁹ См.: Покровский Н. Н. От редактора // Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991 С. 5–6.

прислушиваться к своим подданным, хранить традицию и обеспечивать безопасность в обществе (выделено нами – В. П.)...»²⁰.

Прислушиваться к своим подданным, хранить традицию и обеспечивать безопасность в обществе – обязанности, которые возлагались тем самым «общественным мнением» на государей с незапамятных времен – с самого начала существования государства как института. Собственно говоря, об этом и говорил епископ Симеон князю Константину в своем «Наказании», с цитирования которого мы и начали нашего небольшое изыскание. Иван III, о котором мы уже не раз говорили прежде, был, конечно, сильным государем, однако мог ли он пренебрегать этими своими обязанностями, тем более на территориях, которые вошли в состав его великокняжеского «домена» относительно недавно? Очевидно, что нет, тем более что и сам он, будучи плоть от плоти современного ему общества с соответствующей ментальностью, впитал эти идеи и образы, что называется, с молоком матери, и мыслил соответствующими категориями. Подтверждением этого тезиса служит история, случившаяся в 1479 г. По осени того года «сведе князь великий наместника с Лук с Великих из Новугородцкого с Литовского рубежа, и биша челом князю великому лучане на него о продаже и о обиде»²¹. Наместником этим был князь И. В. Лыко Оболенский, представитель многочисленного («сильно размножившегося», по меткому замечанию А. А. Зимина²²).

Итак, лучане били челом великому князю на его «тиуна» «о продаже и о обиде». В том, что княжеский тиун будет кормится с населения, управлять которым он поставлен властью, не было ничего необычного, и сами управляемые также не видели в этом ничего криминального. Как отмечала Н. Коллманн, «что современный человек назвал бы коррупцией, было по большому счету экономикой даров, которая в обычные времена смазывала колеса системы в равной степени и для судей, и для тяжущихся». Однако эта «смазка» воспринималась как должное до тех пор, пока «тиун» не преступал некую черту, за которой размеры даров принимали неконтролируемый характер и превращались в произвольно взимаемые поборы – тогда, когда местное население оказывалось беззащитным «перед лицом **чрезмерных поборов** (выделено нами – В.П.)...»²³. Судя по всему, традиционные попытки урегулировать возникшую проблему, не вынося сор из избы не имели успеха (М. Брин характеризуя устройство системы судопроизводства в раннемодерной Франции, отмечал, что закон и суд «были составным элементом более разветвленной системы разрешения споров, которая включала в себя посредников, третейских судей-арбитров и других его участников, которые занимались сделками, переговорами или иными другими средствами, позволявшими урегулировать спор неформальными путями»²⁴), и не сумев разрешить проблему на месте, лучане и решили бить челом государю.

²⁰ Kollmann N. S. Op. cit. P. 416.

²¹ Львовская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XX. М., 2005. С. 336.

²² Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 44.

²³ Kollmann N. S. Op.cit. P. 418.

²⁴ Breen M. P. Patronage, Politics, and the “Rule of Law” in Early Modern France // Proceedings of the Western Society for French History. 2005. № 3. P. 95–113. P. 104–105.

Последний же, памятуя о том, что отношения между ним и его подданными в подобного рода ситуациях строятся, по меткому замечанию В. Кивельсон, согласно формуле «совет, челобитная, недовольство, бунт»²⁵, решил не доводить дело до греха, тем более что Великие Луки еще совсем недавно, в 1478 г., находились в совместном владении Новгорода и Великого княжества Литовского, и вызывающее поведение великокняжеского наместника могло иметь и далеко идущие политические последствия. Челобитной был дан ход. «Князь же великий суди его (князя Лыко – В.П.) с ними (лучанами – В.П.), – записал летописец, – иное жо на нем дотягалися, и он оборотню в продажах платил, а иное князь великий безсудно велел платити им». При этом книжник, по мнению Ю.Г. Алексеева, симпатизировавший князю Лыко²⁶, подчеркнул, что «много жлоб лучане учиниша, иное по правде, а иное и клепали его (наместника – В.П.); где мало взял, а они о мнозе жалобу положили» в расчете на то, что великий князь поддет им навстречу (и не ошиблись в своих расчетах!)²⁷.

Обиженный князь «не мога того терпети» и отъехал от своего сюзерена к его младшему брату, князю Борису Васильевич Волоцкому²⁸. Собственно, с этого отъезда эта история, которая, казалось, имела вполне обыденный характер – князь Лыко был не первый наместник, слишком много бравший на себя, и он же был не последним, который был наказан за свои злоупотребления верховной властью, не желавшей доводить своих подданных до четвертой стадии развития конфликта между нею и ее подданными из-за таких вот действий «тиунов». Его отъезд стал причиной острого конфликта между Иваном и его «меньшой братьей», который вышел из-под контроля и перерос в вооруженную княжескую фронду, причем в самый неподходящий политический момент, когда натянутые отношения Москвы с Вильно и Ордой грозили вот-вот разразиться большой войной.

Собственно говоря, именно в связи с этим мятежом, имевшим далеко идущие последствия, казус с ненасытным наместником и остался незамеченным в отечественной историографии. Многие историки писали об этом случае и его последствиях – например, С. М. Соловьев уделил этой истории несколько страниц своей монументальной «Истории России с древнейших времен»²⁹. Из позднейших историков подробнейшим образом эту историю разбирал уже упоминавшийся нами выше Ю. Г. Алексеев³⁰, не оставил ее без внимания и автор биографии великого князя Ивана III Н. С. Борисов³¹, последним же ее коснулся С. Ю. Шокарев в своем исследовании о князе Андрее Углицком³². В целом эти (и ряд других) работ отечественных историков рисуют подробную картину произошедшего и того, что случилось потом (причем на этом «потом» делается главный упор), но вот что касается

²⁵ Kivelson V. Muscovite "Citizenship": Rights without Freedom // The Journal of Modern History. Vol. 74, No. 3. P. 474. 2002.

²⁶ Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 27.

²⁷ Львовская летопись. С. 336.

²⁸ Там же.

²⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 5 // Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. III. М., 1989. С. 47–50.

³⁰ Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига... С. 27–34 слл.

³¹ Борисов Н. С. Иван III. М., 2003. С. 420–422 слл.

³² Шокарев С. Ю. Андрей Большой Углицкий. Судьба и эпоха. Углич, 2022. С. 231–233 слл.

самого конфликта между наместником, лучанами и великим князем, здесь обычно дальше констатации факта дело не идет. В лучшем случае, как это сделал Н. С. Борисов, а вслед за ним С. Ю. Шокарев, указывается на обиду князя Лыко и на возможные личные мотивы великого князя, который решил наказать своего «тиуна»³³, основное же внимание уделяется противостоянию Ивана III и его братьев, ставшее следствием отъезда князя Лыко и попытки Ивана III арестовать его. Княжеская фронда по вполне понятным причинам напрочь перекрыла казус с князем Лыко, хотя, справедливости ради, истории, подобные этой, неплохо демонстрирую те самые трудности и проблемы, о которых писал Р. Скрибнер, почему она и заслуживает более пристального внимания. Поэтому, оставив за скобками мятеж братьев Ивана III, вернемся к истории с князем Лыко Оболенским.

Касаясь причин, по которым лучане били челом Ивану III на его наместника, отметим, что причины эти были более чем весомые. «Сочные» подробности поведения наместника и его людей сохранила Литовская метрика (напомним, что Великие Луки долгое время были в совместном управлении Новгорода и Вильно, и, похоже, князь Лыко выполнял негласное указание Ивана III «выбить» литовских администраторов с этой территории, но явно перестарался). В частности, в Метрике сообщалось, что «как князь великий московьский узьял Новгород и вecho им сказал, ино узъехал на Ржову князь Иван Лыко и ехал через Влицы, и **судил и грабил люд – што хотел, то на них брал** (выделено нами – В.П.)...».

Не клали себе охулки на руку и люди князя Лыко, которые вели себя ничуть не лучше, если не хуже, своего господина. Так, некие Тимофей и Бурец, княжеские «шестники»-министерялы³⁴, при попустительстве своего господина не только «судили и грабили люди, что хотели, то брали ... на ком рубль, на ком два, на ком три, на ком пять, того и не счести», но еще «по клетем ходечи, грабили – што было в клетех, то выграбили у людей»³⁵. Больше того, Бурец, прибыв в Бардовский погост, «на первой Еська (литовского управляющего – В. П.) забил до смерти, старого наместника, перенемъши на дорозе, а отънял оточин в него два кони по пять коп и шаты обрал, шубу кунью взял за осм коп, а плащ и прыстый, што был при нем, то все побрал; того всего на тридцать коп взял». После же того, как он побив и ограбив злосчастного Еська, Бурец занялся любимым делом: «А судил и рядил, на людех брал гроши, на ком рубль, на ком два, на ком три – того не исчести, бо люди не были передо мною, только, которые бегают, тые были передо мною»³⁶.

Стоит заметить, что поведение князя Лыко Оболенского и его людей вряд ли было чем-либо из ряда вон выходящим. Сменивший его Константин Ярославич Оболенский (?) действовал в тех же краях в том же духе. Явившись в Бардовский погост после Бурца, он и его люди стали постоем на дворе покойного Еська, так что тамошние обитатели, Еськовичи, «выбегли з двора з жонами.з детьми, и Стехно теж Федькович

³³ См.: Борисов С. Н. Иван III... С. 420–421.

³⁴ См., например: Гиппиус А. А. Шестники: к значению и происхождению социального термина // Шаги / Steps. Т. 7. № 3. 2021. С. 67–81.

³⁵ Литовская метрика, Отдел первый. Часть первая: книги записей. Т. 1-й // Русская историческая библиотека. СПб., 1910. Стб. 466–467.

³⁶ Там же. Стб. 475.

выбег». Оставшись хозяином в усадьбе, Константин за две недели своего пребывания в усадьбе «дом весь выграбил, што было домовых статъков в дому, и волость всю збивши, жито все вывез; на волость всего того в дому взял на двесте рублей рызких». Не ограничившись этим, Константин, приводя туземцев, «малых и великих», к присяге на верность великому князю, «з головы по грошу брал, а люд грабил, взял на ком рубль, на ком два – того не счести»³⁷.

Не отставали от московских наместников и их людей и новгородцы. Та же Литовская метрика сообщает, что после того, как оба князя Оболенских отбыли с добычей, в волость явились новгородские бояре Иван Васильевич и Никита Есипович, «а с ними людей с полтораста, а в кажъдого по два кони», и те приезжие бояре и их люди разместились в волости, «судять и радять, и люди грабять, и берут што хотятъ, и мучать люди»³⁸. От таких злочинств и грабежей туземцы «розбеглися по заграничью, кое ко Пскову, кое инъде где»³⁹. Стоит заметить, что и в случае с князем Лыко, и в случае с князем Константином, и с новгородскими боярами и их людьми, явно был нарушен обычай, который был зафиксирован в Судебнике 1497 г. и гласивший, что «бояром или детем боярским, за которыми кормления с судом с боярским, имуть судити, а на суде у них быти дворьскому, и старосте и лутчимь людем. А без дворского, и без старосты, и без лутчих людей суда наместником и волостелем не судити»⁴⁰. Если б суд и расправа вершились в присутствии местных «лутчих» людей, вряд ли бы злоупотребления князей, бояр и их министралов вышли бы за рамки приемлемых и вызвали бы столь бурную реакцию лучан со всеми вытекшими отсюда драматическими последствиями.

Конечно, на все это можно возразить, что московские наместники и новгородские бояре вели себя «аки звери дивии» в литовской «половине» ржевской волости, однако, с одной стороны, эта часть по факту перешла под власть московского великого князя и, выходит, грабя и учиняя насилия над местными жителями, наместники наносили вполне конкретный материальный и моральный урон самому великому князю, а с другой стороны, наместники, и не только они одни, и в других краях вели себя ничуть не лучше. Летописи сохранили сведения о ряде аналогичных казусов, относившихся, кстати, к этому времени. Например, в Типографской летописи под 6989 годом было записано, что «тое же зимы прииде великая княгиня Софья из бегов, бе бо бегала на Белоозеро от татар, а не гонял никто, **и по которым странам ходили, тем пуще стало татар и от боярьских холопов, от кровопивцев крестьяньских** (выделено нами – В. П.)». Летописец даже патетически восклицал по этому поводу: «Воздай же им, Господи, по делом их и по лукавствоу начинания их»⁴¹.

Еще более интересные и живописные описания злоупотреблений государевых наместников сохранили псковские летописи. Так, они сообщают о насильствах и «силном имании», которые учинил во Пскове московский наместник князь Ярослав

³⁷ Там же. Стб. 476.

³⁸ Там же. Стб. 477.

³⁹ Там же. Стб. 466.

⁴⁰ Судебник 1497 г. // Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV–X вв. М., 1955. С. 352.

⁴¹ Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. М., 2000. С. 201.

Васильевич Оболенский и его люди в 1476/77 г. и которые стали причиной серьезных волнений в городе, сопровождавшихся кровопролитием. «Повезе псковитин с огорода капусту черес Торг мимо княжеи двор, – писал псковский книжник, – и шестник, похитив силою наручье тое капусты, даде княжому барану». Терпение псковичей лопнуло, и они, по словам летописца, начали «каторатися» с княжескими слугами. Последние «поидоша на пскович с ножами, и начаша стрелами стреляти по Торгу ходя», и сам князь Ярослав, «възложи на ся ратную приправу», «нача стреляти и многих раниша, а дву человек до смерти застрелиша». Возмущенные псковичи за малым не устроили в городе погром по образцу тверского 1327 г., но «нъкотории смыслении люди едва оуставиша народ», не допустив более серьезного кровопролития⁴².

Понятно, что после такого казуса дальнейшее пребывание князя Ярослава во Пскове становилось невозможным. Вече постановило удалить князя из города и бить челом великому князю об удалении наместника и присылке на его место другого. Прибывшие из Москвы посланники великого князя бояре И. Ф, Товарков и Ю. И. Шестак встали на сторону князя Ярослава, «истомы держав с Псковом о всем том много». На обратном же пути, не удовольствовавшись подарками от псковичей (которые действовали так, как это описывала Н. Коллманн – «устанавливая личные связи с должностными лицами посредством подарков и поставок натурой ... они надеялись, что суд будет проявлять гибкость и вынесении приговоров»⁴³), «едоучи на роубежи котори их провадили всех ограбили, как кони и платье отымали, а самих перебили, и сверж и пенязи поимали»⁴⁴. Иван III, настроенный против псковичей своими посланцами и самим князем Ярославом, встретил делегацию из Пскова неласково, однако наместника все же отозвал из города (и тот напоследок снова «отличился» – сопровождавших его 18 псковичей, приставов сотских, губных старост «и иных добрых людей» поимал, перевязал и увел с собою в Москву)⁴⁵.

Развязка этой истории для псковичей была, похоже, благоприятна – по сообщению 2-й Псковской летописи, «князь великий изополелся на Ярослава, и он вся грабленая и людеи со многым студом възврати»⁴⁶. И представляется, что когда к великому князю поступила жалоба на очередного князя из клана Оболенских с описанием его «художеств», то Иван III не выдержал и решил примерно его наказать, чтобы другим было неповадно (возможно, это и был тот самый личный счет, о котором писал Н. С. Борисов). Однако, в отличие от своего двоюродного брата, князь Лыко решил воспользоваться правом сводного отъезда к другому господину, которое с давних пор фиксировалось в межкняжеских докончаньях⁴⁷, посчитав себя обиженным и на этом основании сводным от клятвы верной службы Ивану. В самом деле, «разве пану не вольно наказывать подданных своих, не только тюрьмою или другим каким-

⁴² Псковская 2-я летопись. Синодальный список // Полное собрание русских летописей. Псковские летописи. Т. V. Вып. 2. М., 2000. С. 56.

⁴³ Kollmann N. S. Op. cit. P. 418.

⁴⁴ Псковская 3-я летопись. Строевский список. С. 206.

⁴⁵ Там же. С. 206–207, 208.

⁴⁶ Псковская 2-я летопись. С. 56.

⁴⁷ См., например: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950. С. 227.

нибудь наказанием, но даже смертью?» (слова урядника князя А. М. Курбского Ивана Келемета)⁴⁸. Поэтому князь Лыко, полагая, что с этого момента его отношения с Иваном III могут быть разорваны, с чистым сердцем отъехал к Борису Волоцкому.

Однако расчеты бывшего наместника не оправдались. Великий князь взъярился и отправил своего боярина Ю. И. Шестака (который уже разбирался с делом князя Ярослава Оболенского, как было отмечено выше) к Борису Волоцкому с требованием выдать ему отъехавшего вассала. Н.С. Борисов предположил, что гнев Ивана был вызван тем, что князь Лыко, прежде чем отъехать на службу к удельному князю, не выплатил причитающиеся ему по приговору суда штрафы⁴⁹. В принципе, сценарий вполне вероятный – можно в данном случае провести определенные аналогии с правом крестьянского отъезда согласно Судебнику 1497 г., который, несомненно, зафиксировал давно сложившийся обычай. Мы не видим принципиальной разницы между правом отъезда боярина или сына боярского от своего сюзерена и правом отъезда крестьянина от своего господина. В рамках складывающихся служебных отношений внутри «земско-служилого» государства (Ю. Г. Алексеев)⁵⁰, когда каждый «чин» нес свою, определенную традицией «службу», а крепостное право как таковое по отношению к основной массе крестьянства отсутствовало, правоотношения, на которых строилось право отъезда, должны были иметь одну и ту же природу.

Сравнивая развитие ситуации в случаях с князем Ярославом и князем Лыко, отметим, что если бы князь Лыко поступил бы также, как его двоюродный брат, который, судя по сообщениям псковских летописей, выплатил все положенные ему штрафы и пени и не стал перечить великокняжеской воле, то дело не приняло такой серьезный оборот, а князю Борису и его брату Андрею пришлось бы искать иной предлог, чтобы поднять мятеж против своего «брата старейшего». Однако князь Лыко решил, что ему традиция не указ, что он право имеет, и тогда Иван III был вынужден пойти на принцип, поскольку в том казусе (третьем, получается, за столь краткий промежуток времени) встал вопрос о его репутации и его авторитете среди подданных (напомним еще раз о принципах, на которых выстраивалась легитимация верховной власти в эпоху раннего Нового времени). Ради этого Иван пошел на открытое нарушение суверенных прав своего младшего брата, чем и вызвал острейший политический кризис. И дело здесь, скорее всего, не только и не столько в том, что, как писал Ю. Г. Алексеев, в казусе с князем Лыко перед нами противостояние союза великокняжеской власти массой непривилегированного населения города и села альянсу феодальной аристократии в лице удельного князя и крупного вассала⁵¹. Вряд ли великий князь не понимал последствий этого своего решения, однако на кону стояло нечто большее, нежели поддержание родственных отношений или пресловутая «классовая» или сословная «солидарность» – выходит, что интерес государственный в этом случае восторжествовал над семейственностью.

⁴⁸ Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни // Акты, изданные Временною Коммиссиею, Высочайше утвержденною при Киевском Военном, Подольском и Волынском Генерал-Губернаторе. Т. 1-й. Киев, 1849. С. 4.

⁴⁹ Борисов Н. С. Иван III... С. 421.

⁵⁰ См.: Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001. С. 431–433.

⁵¹ Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси... С. 34.

И в завершение отметим, что опала Ивана III на князя Лыко была недолгой – уже в 1483 г. князь отправляется с дипломатической миссией в Крым, миссией чрезвычайно важной, поскольку после того, как в предыдущем году крымский «царь» Менгли-Гирей I, совершив поход на Киев, по существу поставил жирную точку в долгой истории крымско-литовских «братских» отношений и сделал окончательный выбор в пользу союза с Иваном III. Посольство князя Лыко Оболенского должно было закрепить эту перемену и «братские» отношения между двумя государями в преддверии конфликта Москвы и Вильно⁵². Доверие великого князя к бывшему великолуцкому наместнику было возвращено, и это свидетельствует в пользу того предположение, что конфликт между Иваном и великолуцким наместником был вызван не столько характером действий бывшего князя Лыко во время исполнения им своих наместничьих обязанностей, сколько чрезмерными, по меркам того отнюдь не вегетарианского времени, его злоупотреблениями и попыткой уклониться от выполнения великокняжеской воли, что подрывало авторитет Ивана III в глазах «земли», а, значит, и его легитимность.

Информация о статье

Автор: Пенской Виталий Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Юридический институт Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия; ORCID: 0000-0002-4092-8992; e-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Заголовок: «Где тиун, там и князь...»: власть и общество в раннемодерной России (казус князя И. В. Лыко Оболенского)

Аннотация. 2-я половина XV в. – время, когда был запущен процесс формирования основ т.н. «централизованного» Русского государства. Этот сложный и неоднозначный, противоречивый процесс был связан с наращиванием верховной властью своей инфраструктуры, которая, по мере ее развития, позволяла московским государя чувствовать себя более уверенно и более успешно, чем прежде, диктовать свою волю обществу. Однако до тех пор, пока эта инфраструктура находилась в зачаточном состоянии, возможности власти в этой сфере были ограничены. Эта ограниченность средств и возможностей по проведению независимой политики вынуждала государство, верховную власть, прислушиваться к мнению общества и искать у него поддержки. В свою очередь, общество было готово предоставить эту поддержку, но при условии, что власть будет соответствовать определенным требованиям, которые давно сложились и были освящены традицией. Следование этой традиции гарантировала власти лояльность подданных и, как результат, успех ее начинаний. Желая сохранить эту лояльность и послушание, верховная власть жестко реагировала на злоупотребления своих представителей на местах в тех случаях, когда их действия выходили далеко за рамки традиции. Казус с великолуцким наместником князем И.В. Лыко Оболенским, злоупотребления которого вызвали в 1479 г. конфликт с жителями Великих Лук и стали предметом разбирательства со стороны великого князя, является ярким тому примером.

Ключевые слова: раннее Новое время, Российское государство, верховная власть, общество, традиция, Иван III

Библиографический список

- Алексеев, Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л.: Наука, 1989. 219 с.
 Алексеев, Ю. Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 448 с.
 Борисов, Н. С. Иван III. М.: Молодая гвардия, 2003. 644 с.

⁵² См.: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турциею. Т. I. С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 41. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К^о, 1884. С. 34–37.

- Вершинин, К. В.* Мерило праведное в истории древнерусской книжности и права. М.-СПб.: Нестор-История, 2016. 296 с.
- Гиппиус, А. А.* Шестники: к значению и происхождению социального термина // Шаги / Steps. Т. 7. № 3. 2021. С. 67-81.
- Домников, С. Д.* Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М.: Алетея, 2002. 672 с.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.* М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 586 с.
- Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни // Акты, изданные Временною Коммиссиею, Высочайше утвержденною при Киевском Военном, Подольском и Волынском Генерал-Губернаторе.* Т. 1-й. Киев: Лито-типографическое заведение А.К. Вальнера, 1849. 387 с.
- Зимин, А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.: Наука, 1988. 350 с.
- Корогодина, М. В.* Кормчие книги XIV – первой половины XVII века: В 2 т. Т. 1: Исследование. СПб.: Альянс-Архео, 2017. 600 с.
- Кучкин, В. А.* Особая редакция «Наказания» Симеона Тверского // Изучение русского языка и источниковедение: [Сборник статей / Отв. ред. канд. филол. наук В.Ф. Дубровина]; АН СССР. Ин-т рус. яз. Москва: Наука, 1969. С. 243–251.
- Леви-Стросс, К.* Неприрученная мысль // *Леви Стросс, К.* Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М.: Академический проект, 2008. С. 143–501.
- Литовская метрика, Отдел первый. Часть первая: книги записей.* Т. 1-й // Русская историческая библиотека. СПб.: Сенатская типография, 1910. 650 с.
- Львовская летопись // Полное собрание русских летописей.* Т. XX. М.: Языки славянских культур, 2005. 704 с
- Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей.* Т. XXV. М.: Языки славянской культуры, 2004. 488 с.
- Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турциею.* Т. I. С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 41. СПб.: Тип.-я Ф. Елеонского и К°, 1884. 640 с.
- Петров, К.В.* Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С.Н. Кистерова «Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в.») // Очерки феодальной России. Вып. 12. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2008. С. 365–382.
- Покровский, Н.Н.* От редактора // Алексеев Ю.Г. Государь всяя Руси. Новосибирск: Наука, 1991. С. 240 с.
- Псковская 2-я летопись. Синодальный список // Полное собрание русских летописей. Псковские летописи.* Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 9–69.
- Псковская 3-я летопись. Строевский список Полное собрание русских летописей. Псковские летописи.* Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 78–250.
- Семена епископа тферьскаго наказание // «Изборник» (сборник произведений литературы Древней Руси).* М.: Художественная литература, 1969. С. 376.
- Соловьев, С.М.* История России с древнейших времен. Т. 5 // *Соловьев, С.М.* Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. III. М.: Мысль, 1989. 783 с.
- Судебник 1497 г. // Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV–X вв.* М.: Госюриздат, 1955. С. 341–419.
- Суриков, И.Е.* Солон и его время. В двух томах. Т. I. СПб.: Академия Исследования культуры, 2022. 672 с.
- Типографская летопись // Полное собрание русских летописей.* Т. XXIV. М.: Языки русской культуры, 2000. 288 с.
- Тоффлер, Э.* Третья волна. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 781 с.
- Трубникова, Н. В.* Французская историческая школа «Анналов». М.: Квадрига, 2016. 336 с.
- Филюшкин А. И.* Московская неонатальная империя: к вопросу о категориях политической практики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2009. Вып. 2. С. 5–20.
- Шокарев, С. Ю.* Андрей Большой Углицкий. Судьба и эпоха. Углич: Углеце поел, 2022. 424 с.
- Black, J.* Kings, Nobles and Commoners. States and Societies in Early Modern Europe. A Revisionist History. London and New York: I.B. Tauris, 2004. 198 p.
- Breen, M.P.* Patronage, Politics, and the “Rule of Law” in Early Modern France // Proceedings of the Western Society for French History. 2005. № 3. P. 95–113.
- Brewer, J.* The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783. London, Unwin Hyman, 1989. 253 p.
- Brewer, J., Hellmuth, E.* 1999. Introduction // Rethinking Leviathan: The Eighteenth-century State in Britain and Germany. Oxford & New York: Cambridge University Press. P. 1–22.
- Elliott, J.H.* A Europe of Composite Monarchies // Past & Present. 1992. Number 137. The Cultural and Political Construction of Europe. P. 48–71.

- Kivelson, V. Muscovite "Citizenship": Rights without Freedom // *The Journal of Modern History*, 2002. Vol. 74, No. 3. P. 465–489.
- Koenigsberger, H.G. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe *Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale* // *Theory and Society*. 1978. Vol. 5. 2. P. 191–217.
- Kollmann, N.S. *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Cambridge, Cambridge University Press, 2012. 504 p.
- Scribner, R.W. *Police and the Territorial State in Sixteenth-Century Württemberg* // *Politics and Society in Reformation Europe Essays for Sir Geoffrey Elton on his Sixty-Fifth Birthday*. L.: McMillan Press LTD, 1987. P. 103–120.

Information about the article

Author: Penskoj Vitaly Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, the Institute of Law at Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia; ORCID: 0000-0002-4092-8992, e-mail: penskoj@bsu.edu.ru

Title: "Where there is a tiun, there is a prince...": power and society in early modern Russia (casus of Prince I. V. Lyko Obolensky)

Abstract. The second half of the 15th century was the time of forming the foundations of the so-called "centralized" Russian state. This complex and ambiguous, contradictory process was associated with the build-up of the supreme authorities of its infrastructure, which, as it developed, allowed the Moscow authorities to feel more confident and more successful than before, to dictate their will to society. However, while this infrastructure was in its infancy, the possibilities of the authorities in this area were limited. This limited means and opportunities for pursuing an independent policy forced the state, the supreme authorities, to listen to the opinion of society and seek its support. In turn, society was ready to provide this support, but on the condition that the authorities would meet certain requirements long established and consecrated by tradition. Following these requirements of tradition guaranteed the loyalty of the subjects to the authorities and, as a result, the success of their undertakings. Wishing to maintain this loyalty and obedience, the supreme authorities reacted harshly to the abuses of its local representatives in those cases when their actions went far beyond tradition. The incident with the Velikiye Luki governor, Prince I.V. Lyko Obolensky, whose abuses caused a conflict with the inhabitants of Velikiye Luki in 1479 and became the subject of proceedings by the Grand Prince, is a notable example.

Keywords: early modern period, Russian state, supreme authorities, society, tradition, Ivan III

References

- Alekseev, Yuri Georgievich. *Osvobozhdenie Rusi ot ordynskogo iga [Liberation of Rus' from the Horde yoke]*. Leningrad: Nauka Publ., 1989. 219 p. (in Russian).
- Alekseev, Yuri Georgievich. *Sudebnik Ivana III. Tradiciya i reforma [The Sudebnik of Ivan III. Tradition and reform]*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2001. 448 p. (in Russian).
- Borisov, Nikolay Sergeevich. *Ivan III*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2003. 644 p. (in Russian).
- Vershinin, Konstantin Vladimirovich. *Merilo pravednoe v istorii drevnerusskoj knizhnosti i prava [The righteous measure in the history of ancient Russian literature and law]*. Moscow—St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2016. 296 p. (in Russian).
- Gippius, Alexey Alekseevich. *Shestniki: k znacheniyu i proisxozhdeniyu socialnogo termina [Shestniki: on the meaning and origin of the social term]*, in *Shagi [Steps]*. 2021. T. 7. No. 3. Pp. 67–81. (in Russian).
- Domnikov, Sergei Dmitrievich. *Mat-zemlya i Tsar-gorod. Rossiya kak traditsionnoye obshchestvo [Mother Earth and the Tsar City. Russia as a traditional society]*. Moscow: Aleteya Publ., 2002. 672 p. (in Russian).
- Dukhovnyye i dogovornyye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vv. [Testament and contractual letters of the great and appanage princes of the XIV–XVI centuries]*. Moscow–Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1950. 586 p. (in Russian).
- Zhizn knyazya Andrey Mixaylovicha Kurbskogo v Litve i na Volyni [The life of Prince Andrey Mikhailovich Kurbsky in Lithuania and Volyn], in *Akty, izdannye Vremennoyu Kommissiyeu, Vysochayshe utverzhdennoyu pri Kievskom Voennom, Podolskom i Volynskom General-Gubernatore [Acts issued by the Provisional Commission, Highly approved by the Kiev Military, Podolsky and Volyn Governor-General]*. T. 1. Kiev: Lito-tipograficheskoe zavedenie A.K. Valnera Publ., 1849. 387 p. (in Russian).
- Zimin, Aleksandr Aleksandrovich. *Formirovanie boyarskoj aristokratii v Rossii vo vtoroj polovine XV – pervoj tretej XVI v. [Formation of the boyar aristocracy in Russia in the second half of the 15th – the first third of the 16th century]*. Moscow: Nauka Publ., 1988. 350 p. (in Russian).

- Korogodina, Maria Vladimirovna. *Kormchie knigi XIV – pervoj poloviny` XVII veka* [Kormchaya books of the XIV – first half of the XVII century]: In 2 v. V. 1: Issledovanie [Research]. St. Petersburg: Al'yans-Arkheo Publ., 2017. 600 p. (in Russian).
- Kuchkin, Vladimir Andreyevich. Osobaya redakciya «Nakazaniya» Simeona Tverskogo [Special edition of “Admonition” by Simeon of Tver] in *Izuchenie russkogo yazy`ka i istochnikovedenie: Sbornik statey / Otv. red. kand. filol. nauk V.F. Dubrovina; AN SSSR. In-t rus. yaz* [Study of the Russian language and source studies: Collected articles / Ed. Cand. of philol. sciences V.F. Dubrovina; Academy of Sciences of the USSR. Russian Language Institute]. Moscow: Nauka Publ., 1969. Pp. 243–251. (in Russian).
- Levi-Strauss, Claude. Nepriruchennaya mysl` [Untamed thought], in *Levi-Strauss, C. Le Totémisme aujourd'hui. La Pensée sauvage*. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 2008. Pp. 143–501. (in Russian).
- Litovskaya metrika, Otdel pervyy. Chast` pervaya: knigi zapisey. T. 1. [Lithuanian Metrics, Section One. Part one: record books. Vol. 1], in *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya Publ., 1910. 650 p. (in Russian).
- L'vovskaya letopis [Lvov chronicle] in *Polnoe sobranie russkix letopisey. T. XX* [Complete collection of Russian chronicles. Vol. XX]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2005. 704 p. (in Russian).
- Moskovskiy letopisnyy svod kontsa XV veka [Moscow annals of the late XV century], in *Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. XXV* [Complete collection of Russian chronicles. Vol. XXV]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 488 p. (in Russian).
- Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Krymskoyu i Nagayskoyu Ordami i s Turtsiyeyu. T. I. S 1474 po 1505 god, epokha sverzheniya mongol'skogo iga v Rossii [Records of diplomatic relations of the Muscovite state with the Crimean and Nagai Hordes and with Turkey. Vol. I. From 1474 to 1505, the era of the overthrow of the Mongol yoke in Russia], in *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshhestva. T. 41* [Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 41]. St. Petersburg: Eleonskiy and Comp. Publ., 1884. 640 p. (in Russian).
- Petrov, Konstantin Vasil'yevich. Imel li Sudebnik 1497 g. znachenije zakona v yego sovremennom ponimanii? (Po povodu stat'i S.N. Kistereva «Velikoknyazheskiy Sudebnik 1497 g. i sudebnaya praktika pervoy poloviny XVI v.») [Did the Sudebnik of 1497 have the meaning of law in its modern sense? (Regarding the article by S.N. Kisterev “The Grand-Ducal Sudebnik of 1497 and the judicial practice of the first half of the 16th century”)], in *Ocherki feodalnoy Rossii. Vyp. 12* [Essays on feudal Russia. Iss. 12]. Moscow–St. Petersburg: Al'yans-Arkheo Publ., 2008. Pp. 365–382. (in Russian).
- Pokrovskiy, Nikolay Nikolayevich. Ot redaktora [From the editor] in *Alekseev Yu.G. Gosudar` vseya Rusi* [Alekseev Yu.G. Sovereign of all Rus']. Novosibirsk: Nauka Publ., 1991. 240 p. (in Russian).
- Pskovskaya 2-ya letopis`. Sinodal'nyy spisok [Pskov 2nd chronicle. Synodal list], in *Polnoe sobranie russkix letopisej. Pskovskie letopisi. T. V. Vyp. 2* [Complete collection of Russian chronicles. Pskov chronicles. Vol. V. Iss. 2]. Moscow: Yazy`ki russkoy kul'tury` Publ., 2000. Pp. 9–69. (in Russian).
- Pskovskaya 3-ya letopis`. Stroevskiy spisok [Pskov 3rd chronicle. Stroevsky list] in *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Pskovskie letopisi. T. V. Vyp. 2* [Complete collection of Russian chronicles. Pskov chronicles. Vol. V. Iss. 2]. Moscow: Yazy`ki russkoy kul'tury` Publ., 2000. Pp. 78–250. (in Russian).
- Semena yepiskopa tfer'skago nakazaniye [Admonition of Simeon of the Bishop of Tfer's] in «Izbornik» (sbornik proizvedenij literatury` Drevney Rusi) [“Izbornik” (a collection of works of literature of Ancient Rus)]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1969. P. 376. (in Russian).
- Solov`ev, Sergey Mikhaylovich. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen. T. 5 [History of Russia since ancient times. Vol. 5], in *Solov`yev, S.M. Sochineniya v vosemnadtsati knigakh. Kn. III* [Solovyov, S.M. Essays in eighteen books. Book III]. Moscow: Mysl` Publ., 1989. 783 p. (in Russian).
- Sudebnik 1497 g. [Sudebnik 1497], in *Pamyatniki russkogo prava. Vy`p. 3. Pamyatniki prava perioda obrazovaniya Russkogo centralizovannogo gosudarstva. XIV–XV vv.* [Records of Russian law. Issue. 3. Monuments of law during the formation of the Russian centralized state. XIV–XV centuries]. Moscow: Gosyurizdat Publ., 1955. Pp. 341–419. (in Russian).
- Surikov, I. E. *Solon i ego vremya. V dvukh tomakh.* [Solon and his time. In two volumes]. T. I. SPb.: Akademiya Issledovaniya kul'tury`, 2022. 672 p. (in Russian).
- Tipografskaya letopis` [Typographic chronicle], in *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. XXIV. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. 288 p. (in Russian).
- Toffler, Alvin Eugene. *Tret`ya volna* [The Third Wave]. Moscow: OOO «Izdatel'stvo AST» Publ., 2004. 781 p. (in Russian).
- Trubnikova, Natal'ia Valer'evna. *Francuzskaya istoricheskaya shkola «Annalov»* [French historical school of “Annals”]. Moscow: Kvadriga Publ., 2016. 336 p. (in Russian).
- Filyushkin, Aleksandr Il'ich. Moskovskaya neonatal'naya imperiya: k voprosu o kategoriyakh politicheskoy praktiki [Moscow neonatal empire: on the question of the categories of political practice] in *Vestnik Sankt-*

- Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 2. History]. 2009. Iss. 2. Pp. 5–20. (in Russian).
- Shokarev, Sergey Yur'yevich. *Andrey Bol'shoy Uglichkiy. Sud'ba i epokha* [Andrey Bolshoy Uglitsky. Fate and era]. Uglich: Ugleche poel Publ., 2022. 424 p. (in Russian).
- Black, Jeremy. *Kings, Nobles and Commoners. States and Societies in Early Modern Europe. A Revisionist History*. London and New York: I.B. Tauris, 2004. 198 p.
- Breen, Michael. *Patronage, Politics, and the "Rule of Law" in Early Modern France*. Proceedings of the Western Society for French History. 2005. No. 3. Pp. 95–113.
- Brewer, John. *The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783*. London: Unwin Hyman, 1989. 253 p.
- Brewer, John, Hellmuth, Eckhart. 1999. Introduction. *Rethinking Leviathan: The Eighteenth-century State in Britain and Germany*. Oxford & New York: Cambridge University Press. Pp. 1–22.
- Elliott, John. A Europe of Composite Monarchies. *Past & Present*. 1992. Number 137. *The Cultural and Political Construction of Europe*. Pp. 48–71.
- Kivelson, Valerie. Muscovite "Citizenship": Rights without Freedom. *The Journal of Modern History*, 2002. Vol. 74, No. 3. Pp. 465–489.
- Koenigsberger, Helmut Georg. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe *Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale. Theory and Society*. 1978. Vol. 5. 2. Pp. 191–217.
- Kollmann, Nancy Shields. *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Cambridge, Cambridge University Press, 2012. 504 p.
- Scribner, Robert William. Police and the Territorial State in Sixteenth-Century Württemberg. *Politics and Society in Reformation Europe Essays for Sir Geoffrey Elton on his Sixty-Fifth Birthday*. London: McMillan Press LTD, 1987. Pp. 103–120.

Для цитирования статьи:

Пенской В. В. «Где тиун, там и князь...»: власть и общество в раннемодерной России (казус князя И. В. Лыко Оболенского). *Caurus*. 2022. Т. 1. № 2. С. 12–26. DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-12-26

For citation:

Penskoy V. V. "Where there is a tiun, there is a prince...": power and society in early modern Russia (casus of Prince I. V. Lyko Obolensky). *Caurus*. 2022. Vol. 1(2). P. 12–26. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(2)-12-26